

Мария БУШУЕВА

РАССКАЗЫ

ДАЧИ

Отец моей одноклассницы Кати был номенклатурным чиновником, и ему полагалось иметь служебную дачу, представлявшую собой загородную квартиру в коттедже на огороженной охраняемой территории, как сейчас принято говорить, в экологически чистом районе.

Мебель в этих дачных квартирах была казенной — такая сплошь и рядом стояла тогда в гостиницах, комнат полагалось несколько — в зависимости от статуса хозяина и количества членов семьи, ваннные комнаты были отделаны импортным кафелем, а во всех кухнях висели одинаковые большие часы с боем.

Все годы школы я помогала Кате осилить точные предметы, и ее родители иногда брали меня в номенклатурный рай, правда, отнюдь не препятствуя тому, что моя бабушка давала им за мой отдых деньги.

И вот как-то поздно вечером в зимние каникулы мы с Катей скучали на их даче и пили чай. Хотелось есть, но дачный ресторан был уже закрыт, холодильник пуст, а ведомственные родители ночевали в городе.

Тринадцатилетняя Катька увлекалась чтением детективов, что она с успехом продолжает делать и сейчас, а я любила все таинственное с уклоном в неизведанные явления человеческой психики.

На больших часах, висевших в кухне, стрелки приближались к полночи. Нам давно хотелось не только есть, но и спать, однако невозможно было преодолеть нежелание вставать с теплых стульев и ложиться в холодные постели.

В окно был виден сплошной мрак — ни одно окно соседних коттеджей не светилось. Стояли сильные морозы, и хотя был вечер пятницы, видимо, ни у кого из тогдашних чиновников не возникало желания ехать за город.

Мы пили чай, пили чай, пили чай, и я рассказывала странные случаи, связанные с телепатией, ясновидением и призраками из потустороннего мира. Все это я вычитала с помощью словаря в американских журналах: моей бабушке поставлял их знаковый журналист.

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд».

Последняя из рассказанных мной историй завершалась так: часы куковали двенадцать раз, в этот момент во входную дверь кто-то стучал, хозяин шел открывать, и на пороге стоял призрак его покойного деда.

У Кати как раз не так давно умер дедушка, отец ее мамы, добрейший голубоглазый старик, обожавший свою внучку и носивший ей от бабушки вкусные пирожки, которые она никому не давала даже попробовать.

— Представь себе, — завершая историю, сказала я, с сожалением вспомнив о пирожках и желая придать концовке характер личного впечатления для большего усиления эффекта, — вот сейчас на часах без пяти минут двенадцать, и вдруг, как только пробьет полночь, раздастся звонок в дверь...

Катя, не лишенная впечатлительности, как-то тревожно встрепенулась.

На часах обозначилось без четырех минут двенадцать. За стеной кухни послышались какие-то непонятные стуки и тут же стихли.

Без трех минут двенадцать в законной тьме что-то мрачно взвизгнуло и тоже сразу провалилось в морозное безмолвие.

Мы сидели неподвижно, не в силах оторвать взгляда от еле движущейся минутной стрелки.

Часы показали без одной минуты двенадцать.

Я попала под собственный гипноз и тоже начала испытывать сильнейшее беспокойство. И тут наконец стрелки соединились, часы начали бить полночь... и раздался звонок в дверь!

Надо ли объяснять, что Катя побледнела от страха и застыла на стуле. Встреча с призраком собственного деда в зимнюю полночь на пустых дачах кого угодно заставит оцепенеть.

Но я, придя в себя и вспомнив, каким был ее дедушка симпатичным, заставила себя подняться и пойти к двери. Сама срежиссировала полуночное появление, так должна сохранять присутствие духа!

— Не открывай, — едва шевеля губами, прошептала Катя.

Но я уже сняла цепочку...

— Не открывай...

...И повернула в замке ключ.

Катя онемела и следила за мной, как белое изваяние.

— Кто там? — все-таки спросила я, опасаясь гораздо больше воров, чем призраков.

И услышала в ответ писклявое:

— Я!

Не разобрав, чей это голос, просто доверившись интуиции, подсказавшей: это не грабители — да и какие грабители на охраняемой территории! — я открыла дверь.

На пороге стояла наша одноклассница Ира: отец ее работал вместе с отцом Катюшки и жил летом в соседнем коттедже. Ирка, в общем-то, никогда с нами не дружила. И ее появление у нас в зимнюю морозную полночь было почти столь же странным, каким было бы явление призрака дедушки, решившего все-таки не тревожить любимую внучку.

— Ты... как... почему? — Катя обрела способность говорить.

— Мой папа в одиннадцать вдруг решил провести выходные на дачах, — спокойно объяснила Ира. — А когда подъехали, он сказал: светятся, Катя, окна твоего отца. Вот я и решила вас навестить! — Она улыбнулась. — А теперь до завтра! Встретимся!

— Недаром мой папаша считает, — сказала Катя, когда, звякнув автоматическим замком, за полуночной гостьей закрылась дверь, — отец Ирки чокнутый! Это и видно! Видите ли, ночью ему ехать приспичило.

А я, подойдя к окну и увидев, что в соседнем коттедже уже горит в четырех окнах свет, вспомнила, что летом, будучи опять же у Кати в гостях, видела отца Иры — не-

ловкого толстого субъекта с чистыми круглыми детскими глазами, точно возникшего из диккенсовского времени и странно смотрящегося среди однообразнолицей чиновничьей знати. Впрочем, возможно, он был самый ловкий притворщик из всех остальных партократов, только и всего.

АТОС

Их было трое: Валька, Славка и Жук, а она — одна. Валька ее любил, и она любила его. Они ни разу не целовались. Она считала, что это унижительно — целоваться, а он, гроза учителей, во всем слушался только ее. Славка любил ее без взаимности, иногда от отчаяния ненавидя. А Жук делал все, как делали Валька и Славка, то есть тоже ходил за ней всюду и таскал ее школьный рюкзак. Ее звали Аня. Было им по двенадцать лет.

Они стояли на пустыре возле только начатой стройки, пробравшись сквозь ограждения. Чуть правее рыжел рваными линиями небольшой, но глубокий котлован с переброшенным поперек коричнево-красным бревном, а чуть левее, на сетчатом заборе, белела табличка «Опасная зона». Именно здесь, на опасной зоне, они и стояли.

Первые дни мая принесли теплый дождь, она шурилась от яркого умытого солнца и подпрыгивала, слегка ударяя себя по ногам гибким прутиком, ее волосы то золотились, взлетая над худенькими плечами, то падали и серой тенью прижимались к узкой спине.

— Будем играть! — приказала она. — В трех мушкетеров. — И поглядела испытующе на Вальку. — Ты будешь д'Артаньян!

Она зимой прочитала книгу Дюма и, влюбившись в героев, дала ее прочитать Вале и Славке.

— А ты, Жук, будешь Портосом! — Жук покорно кивнул, расплылся в довольной улыбке и носком кеда стал скоблить под ногами землю. Ему очень нравилось жить, нравилось играть, быть Портосом, и Жуком, и кем угодно, лишь порой какое-то непроявленное ощущение легким перистым облаком на ясном небе смущало безмятежный покой его души, тогда он клонил к плечу кудрявую свою голову с прозрачными бесцветными глазами и вздыхал по-старушечьи, как его деревенская бабка. К ней возили его на лето, а прошлым июнем она померла, и Жук у ее холодного тела долго-долго тихо скулил, но устал и, впадая в сон, больно прикусил язык и завизжал так пронзительно, что приехавшая в деревню вместе с ним мать тяжелой рукой вдовы дала ему подзатыльник.

— А ты, Славка, будешь Арамисом!

В правильных красивых чертах Славкиного лица проступало порой что-то беспомощное. На уроках физкультуры, хрупкий и неуклюжий, пытаясь прыгать в высоту, он сразу сбивал планку, поставленную очень низко, и краснел от нестерпимого стыда, когда одноклассники дружно гоготали над его неловкостью. В отместку он упорно не давал никому из них списывать задания по математике. Одному лишь Вальке, неформальному лидеру класса, Славка сам на контрольных незаметно передавал черновики с решениями.

— Ты — Арамис! — повторила она. — А я буду Атосом!

— Нет! — резко побледнев от любви и ненависти к ней, вдруг выкрикнул Славка, вырываясь на миг из плена боязливой души. — Я хочу стать Атосом!

Она засмеялась.

— Ты — Атос?

И Валька захохотал, глянув сначала на нее, потом на Славку. И Жук закатился смехом, перестав копать кедом землю.

— Ты — Арамис, — перестав смеяться, проговорила она. — Атос — я.

— Атос — Аня, — повторил Жук, кивая.

И тогда Славка, толкнув Жука, поскачил к ней и, задыхаясь от непосильных чувств, крикнул:

— Ты женщина! Ты — миледи!

— Миледи, — расплывчато улыбаясь, повторил Жук, подумав, что так красиво называет нового щенка. Он подобрал уже трех щенков в деревне на улице, и они переехали к осени в город. Мать оставила их, жалея сына, а Жук гордился, что в их квартире три собаки, и сам по вечерам выгуливал дворняг, вызывая нарекания соседей по дому. Последний, третий щенок, найденный после смерти бабушки, оказавшись в городской квартире, укусил Жука и, забившись смущенно в угол, виновато вилял беспородным рыжим хвостом. Мать испугалась и отвела Жука в поликлинику, где ему назначили болезненные уколы. Теперь, если даже чужие собаки кусали его, а это случалось, Жук, таясь от матери, просто слизывал с ранки кровь.

— Я — не миледи, я — Атос! — гневно возразила она.

— Ну чего ты, Ань, — Вальке уже надоели препирательства, — там еще Констанция есть... Пусть Славка будет Атосом.

— Хорошо, — согласилась она, не в силах возразить тому, кто пленил ее сердце, — тогда... если он Атос, — она обвела взглядом стройплощадку, — пусть пройдет вон по тому бревну! Только тогда он будет Атосом! — Она сжала губы и, не оглядываясь на свиту, пошла к котловану. Валька обогнал ее и первым встал у рваного рыжего края. За ним подошли к котловану Славка и Жук. Славка остановился чуть поодаль, боясь посмотреть вниз. Его начало подташнивать, колени мелко-мелко задрожали. Рыже-желтая глина насмеялась над ним. Солнце освещало скользкую кору бревна. Славка отвел от него взгляд и скорбно посмотрел на Аню.

— Иди! — сказала она.

Он сделал шаг и упал на корточки, ухватившись руками за непросохшую после дождя глину. Увидев его крах, она рванулась и, легко пробежав по бревну, лишь успели волосы сверкнуть на солнце, уже с той стороны котлована громко и победно закричала:

— Я — Атос! Слышите?! Я!

Сердце ее так близко стучало у горла, что казалось, еще немного, и оно выкатится изо рта, как белый шарик фокусника. Валька, чуть помедлив и по-взрослому выругавшись, зачем-то пнул валяющуюся у края пустую бутылку, тут же скатившуюся в котлован, и, выставив правое плечо, уверенно пробежал по бревну к ней.

Мир раскололся и разделился. Там, на той стороне, сидел на корточках бледный Славка и улыбался безмятежно Жук. А здесь стояли они. Вдвоем. Я люблю тебя на всю жизнь, глазами сказал он ей. И она ответила ему взглядом: я тоже люблю тебя на всю жизнь.

И Славка, точно услышав их признание, вскочил и побежал.

Он бежал быстро, как только мог. Добежав до своего дома, он упал на кровать и заплакал. Стемнело за окном, его правильное лицо от долгих слез превратилось в расплывчатое личико грудного младенца, пришла полногрудая мать, склонилась над ним, обняла, и он уснул, свернувшись застывшей каплей в раскаленной постели.

Через три дня Славка прислал Ане письмо. Эра электроники только приближалась, и письмо на тетрадном листе Славка заклеил в конверт, подписал Анин адрес и отправил почтой. На конверте он вывел печатными буквами серьезное слово «лично».

Она жила с матерью — заводским библиотекарем в полубарачном доме в квартире с соседями. Мать ушла от изменившего ей мужа, гордо отказавшись отстаивать свое право на половину его квартиры в центре их провинциального городка, и переехала с девочкой на окраину, получив комнату в доме под снос. Ей было сорок, и уже напоминало о себе неважное с детства здоровье, раз в месяц к ней приезжала «скорая». Врач делал укол, а мать, белая и почти неживая, лежала на измятой простыне, раскинув руки с тонкими синими венами. Аня, не в силах видеть все это, убежала в кухню и, прислоняясь к холодной стене острыми лопатками, повторяла трясущимися губами: «Только бы мамочка не умерла, только бы мамочка не умерла...» — и пыталась читать сжатую в руках книжку, но глаза не различали ни слов, ни букв, а губы все повторяли и повторяли: «Только бы мамочка... только бы мамочка...»

Письмо принес сосед дядя Гена. Он жил один, не работал и считался инвалидом. Аня его не любила. Ее пугали его черно-зеленое лицо, впалая грудь и кашель — он курил вонючие папиросы и надрывно кашлял. Ей было противно слушать, как дядя Гена играет на гитаре и поет сладкие романсы, поглядывая на ее мать и криво улыбаясь.

«Я люблю тебя больше всего на свете, — взрослыми словами писал Славка, — я знаю, ты меня окончательно презираешь как слабака. Я с осени буду тренироваться в спортивной секции и пройду по бревну! Я докажу всем, что не трус! А когда окончу школу, в университет поступлю, ты согласишься стать моей женой. Только никому не показывай мое письмо, а то я умру».

Протягивая конверт, дядя Гена как-то нехорошо, с издевкой, улыбнулся, и ей почудилось в письме что-то стыдное.

Назавтра в школе она почему-то боялась смотреть в сторону Славки. Письмо лежало в рюкзаке, вложенное в учебник истории, по которой она успела нахватать двоек. Валька ненавидел учительницу истории, и Аня из солидарности с ним отказывалась на уроках отвечать.

На большой перемене Валька, совсем не обращая внимания на Аню, носился по коридору, хохотал, ругался, заламывал руку Жуку, отчего тот, весело повизгивая, закручивался винтом.

«Ну посмотри на меня», — мысленно молила она.

Отпустив руку Жука, Валька изображал популярного комика, вызывая одобрительный смех толпящихся одноклассников.

Он не слышал ее мольбы. А перемена все не кончалась.

И она, сжав губы, рывком достала «Историю» и пошла — через рев, шум, хохот — точно по пустоте. Не замечая никого, кроме Вальки, прошла мимо Славки, как мимо тени, и оттолкнула от Вальки гогочущего Жука. Валька уже увидел ее и глядел на нее горячими отчаянными глазами, но теперь мысленно не услышала его она. Нехорошая улыбка дяди Гены вспомнилась ей.

— Вот! — сказала она, доставая из учебника письмо. — Читай. Это мне Славка прислал.

...Вечером дядя Гена опять играл на гитаре и пел романсы. Аня, пытаясь отвлечься от его навязчивого голоса, смотрела в окно и впервые не думала про Вальку. Точно он выпал сегодня из ее души. Напротив их дома высилась панельная двенадцатизэтажка. А ведь если прыгнуть с верхнего этажа, подумала Аня, разобьешься насмерть. И вспомнила: Славка живет в новой многоэтажке на соседней улице... на каком... на девятом!

Она вскочила и, крикнув матери, слушающей пение дяди Гены, что уходит ненадолго погулять, побежала к Славкиному дому. «Скорой» возле его подъезда не было, значит, он жив!

Дверь открыла его мать, яркая полная блондинка, обернутая в шелковое кимоно, — Аня сразу, по наитию, позвонила на девятом этаже в его квартиру.

— Слава дома? — спросила, слыша стук своего сердца.

Кимоно скрылось в глубине квартиры. В стеклах большого зеркального шкафа сверкивал красно-коричневый гардероб. Минут через пять в прихожую неторопливо вышел Славка.

— Ты? — удивился он. — Я думал, пришла девчонка из нашего дома.

— Слава, прости меня! — торопливо проговорила Аня. — Я очень виновата... пожалуйста, прости... я... когда мы станем взрослыми... возможно, полюблю тебя. Только не делай то, о чем ты написал.

— О чем я написал? — подняв тонкие брови, спросил он.

— Что умрешь, если я покажу твое письмо!

— Ты — глупая, — Славкина усмешка пронзила ее, — я нарочно все это написал, на спор. Мы с Валькой поспорили, что ты поступишь, как миледи: покажешь ему письмо! Потому что ты никакой не Атос! Подумаешь, пробежала по бревну...

Она повернулась к нему спиной и толкнула входную дверь.